

составляющих современного мира, да и то при обязательном условии, что оно будет идти «в ногу со временем» и откажется от своей «ортодоксальности». Именно подобного рода изысканиями и наполнена современная, так называемая «патриотическая» литература. В нашу задачу не входит ее подробный анализ. Подчеркнем лишь, что именно широкое распространение данной литературы как раз и препятствует подлинному патриотическому воспитанию студенческой молодежи.

В заключение отметим, что патриотическое воспитание студенческой молодежи отнюдь не означает пропаганду в студенческой среде идеи некой международной изоляции нашей страны. Наоборот, на наш взгляд, проводимая Республикой Беларусь многовекторная политика ни в коей мере не мешает укорененности белорусского народа в свою собственную, проверенную временем духовную традицию. Тем более сказанное относится к нашим взаимоотношениям с Россией. Как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент нашего государства А. Г. Лукашенко, белорусы и русские – это единый народ, а Россия для нас не чужая страна. Дело здесь не только (и не столько) в существовании союзного государства, объединяющего Республику Беларусь и Российскую Федерацию. Дело в нашем духовном единстве. Соответственно, у нас существует и единая духовная традиция, верность которой является самым действенным средством противостояния негативным последствиям процессу глобализации.

Список литературы

1. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки мифологии мировой истории: В 2 т. Т. 1. Образ и действительность. – М.: Айрис-пресс, 2006.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1997. – 574 с.
3. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

УДК 316.75 : 37.013

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЕЛОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

*Уткевич О. И.,
Витебск, УО «ВГТУ»*

В настоящее время воспитание так называемой «культуры толерантности» многие специалисты в области философии, политологии, социологии, педагогики и других научных дисциплин считают одной из актуальнейших проблем, стоящих перед высшей школой в нашем государстве. Данный феномен можно объяснить не только многоконфессиональной и поликультурной структурой белорусского общества, но и тем всесторонним идеологическим и мировоззренческим влиянием, которое оказывает на Республику Беларусь процесс глобализации. Обратим внимание на то, что современные средства массовой информации зачастую приучают не просто к позитивному восприятию самого исходного понятия «толерантность», но и к его позитивной семантической абсолютизации. Таким образом, у молодых людей формируется некий образ, который в своем положительном значении, по существу, не имеет социально-онтологических пределов.

Автор полагает, что описанный процесс может иметь крайне негативные последствия для воспитания как студенческой молодежи, так и всего подрастающего поколения. Интересно, что биологи под толерантностью понимают полное или частичное отсутствие у живого организма иммунологической реактивности, которое означает полную потерю (или существенное снижение) этим организмом способности выработке антител в ответ на антигенное раздражение. Именно в данном смысле ввел термин «толерантность» в 1953 году английский медик П. Медавар для обозначения отсутствия эффекта отторжения иммунной системой организма пересаженных инородных тканей. В таком узком биолого-медицинском

значении толерантность носит положительный характер. Ведь именно благодаря ее наличию были спасены множество человеческих жизней. Однако в целом потеря способности к иммунной защите для организма вредна и легко может привести даже к гибели этого организма.

Указанные семантические нюансы понятия «толерантность» актуальны и для сферы социальных отношений. На наш взгляд, в условиях процессов глобализации, в настоящее время правомерно говорить о возникновении массового феномена толерантности, проявляющегося в снижении активного реагирования социального организма на негативные воздействия со стороны враждебных систем. Более того, именно широкое распространение такого понимания толерантности (в противовес тому пониманию, которое часто навязывается извне) позволит адекватно понять те пределы социальной толерантности, которые должны быть установлены в обществе. Конечно, даже в более употребительном сейчас, чисто социальном понимании толерантность должна быть определена, необходимо установить концептуальные границы ее действия, что прямо следует из содержания термина.

Необходимо отметить, что термин «толерантность» не так давно стал употребляться в отечественной социально-философской литературе и до сих пор еще не получил широкого распространения. Однако в политико-идеологической сфере он широко распространен во всем мире, в том числе и в Беларуси. «Понятие толерантность», – отмечает российский исследователь А. В. Шипилов, – по частотности употребления занимает одно из первых мест в политическом словаре современности и, как неизбежное следствие этого, отличается размытым, чрезмерно широким и порой просто маловразумительным содержанием. Примером может послужить определение толерантности, которое, очевидно, следует рассматривать как обладающее неким официально-нормативным статусом, содержащееся в принятой в 1995 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО Декларации принципов терпимости («Declaration of principles on tolerance»)» [1, с. 20].

Как мы видим, в данном случае «толерантность» переводится как «терпимость» (что отражено и в современных словарях русского языка). Такой перевод не является семантически эквивалентной заменой. Можно для подтверждения привести хорошо известный исторический факт. В царской России существовали так называемые «дома терпимости». Таким образом, если слова «толерантность» и «терпимость» эквивалентны, то дома терпимости логично было бы называть «домами толерантности», но даже не специалист-филолог почувствует неуместность такой замены.

Отсюда следует, что неэквивалентность данных терминов в русском языке требует их семантического разграничения. На наш взгляд, это разграничение должно носить социально-онтологический характер, с учетом которого необходимо указать на существование некоторых принципиальных отличий между толерантностью и терпимостью. Для того же, чтобы адекватно понять данные отличия, необходимо предварительно проанализировать смысловое наполнение понятия «социальная толерантность». Под социальной толерантностью мы будем в дальнейшем понимать терпимое отношение со стороны одних общественных групп по отношению к другим. Таким образом, становится очевидным, что, как и любой другой социальной феномен, такая толерантность имеет границы своего бытия. Несмотря на то, что данные границы носят полифункциональный характер, мы остановимся на анализе одной из составляющих – социо-онтологической. Именно наличие данной границы в реальной жизни позволяет эффективно формировать социально-онтологические пределы толерантности в процессе преподавания в высшей школе.

Автор полагает, что адекватное формирование указанных пределов не предполагает исключительно отрицания и неприятия чуждых взглядов, идей и т.д. На самом деле, такое отрицание не должно быть самоцелью педагогического процесса, а служить только лишь одной из форм понимания и утверждения своих традиций. Для дальнейшего исследования из всего множества социальных групп, в которые включены студенты в процессе своей жизнедеятельности, в качестве объекта нами выбрана такая социальная группа как «народ».

Это видится актуальным и необходимым, поскольку именно народ в его историческом своеобразии в настоящее время является главной мишенью, которая должна быть поражена в результате внедрения в общественное сознание идей безграничной толерантности. Для белорусского государства воспитание молодежи (в том числе и студенческой) в духе противостояния такого рода попыткам станет залогом благополучного существования.

Отметим, что необходимым условием онтологического бытия любого народа является патриотизм – любовь, существующая в качестве некоего универсального чувства-отношения всех отдельных индивидов к своему народу как к органической целостности, живому общественному организму. Одновременно любовь является и важнейшей аксиологической ценностью национального самосознания. Наибольшим же позитивным потенциалом в данном отношении, на наш взгляд, обладает любовь, исходящая из укорененности социального организма в родную землю, воспринимаемую в качестве онтологического центра всей народной жизни. Очевидно, что любовь-укорененность – это патриотизм, позволяющий воспитывать именно позитивное чувство толерантности. Дело в том, что «такой патриотизм, – как справедливо отмечал ирландский религиозный мыслитель XX века К. С. Льюис, – конечно ничуть не агрессивен. Он хочет только, чтобы его не трогали. У всякого мало-мальски разумного, наделенного воображением человека он вызовет добрые чувства к чужеземцам. Могут ли я любить свой дом и не понять, что другие люди с таким же правом любят свой?» [2, с. 317].

Еще раз подчеркнем, что именно любовь-укорененность является предпосылкой для становления социально-онтологической толерантности по отношению к чужому, так как подлинное укорененное бытие любого народа предполагает его онтологическое отождествление с совокупностью тех сущностных своих черт, которые имеют не узконациональное, а всечеловеческое значение (что, естественно, не отменяет и отождествления с сугубо индивидуальными чертами менталитета). Применительно к теме нашего исследования можно утверждать, что подлинная социальная толерантность в качестве своего неотъемлемого атрибута должна основываться на таком понимании жизни и исторических задач других народов, которое носит не узко прагматический, а метафизико-телеологический характер. Таким образом, чужое в результате данного процесса перестает быть только чужим, оно становится одновременно и частично «присвоенным», понятным. В целом же можно считать, что любовь-укорененность позволяет обнаружить тот исходный элемент единства всех людей, который дает возможность народам прийти не просто к терпимому отношению друг к другу, но и осознать органическую целостность всего человечества.

С другой стороны, должна быть определена аксиологическая граница социальной толерантности. Конечно, каждый народ является потенциальным носителем всеобщности, однако человеческая универсальность актуализируется в нем одновременно с осознанием границ своего собственного, специфически индивидуального бытия. Причем речь в данном случае идет о тех сверхматериальных, метафизических границах, оставаясь в рамках которых, народ способен сохранять себя в качестве особого социально-целостного организма. Очевидно, что это требует определения именно ценностной системы народа, и места этой системы в истории всей человеческой цивилизации. Соответственно, в рамках данных границ сам термин «социальная толерантность» теряет семантическое значение. Дело в том, что любовь, объединяющая индивидов в народ, снимает проблему внутрисоциальной терпимости.

Каждый народ, желающий сохранить свою историческую неповторимость, должен осознавать онтологические рамки собственного бытия, и в первую очередь, четко определить границу дозволенного поведения. Естественно, что понимание конкретного поведения как дозволенного, к чему можно терпимо, без осуждения относиться, во многом зависит от того, носит оно внутренний, закрытый характер или проецируется вовне, предлагается как образец для подражания. Так, например, те формы жизнедеятельности, которые крайне негативно воспринимались нашим народом у своих людей, зачастую не осуждались у представителей

других национальностей: со своим уставом, согласно русской поговорке, в чужой монастырь не ходят. В противном же случае просто чужое становится враждебно-чуждым, а, следовательно, требующем уже не терпимости, а жесткого отпора. Именно в этой ситуации и проявляются те социально-онтологические пределы толерантности, нарушение которых грозит народу потерей самобытности, идентичности (по существу, исчезновением) в результате утраты социального иммунитета.

Естественно, что осознание народом метафизических границ своего бытия вырастает из системы ценностей, которая лежит в основе всей его жизнедеятельности. Многие, как отечественные, так и зарубежные мыслители (Л. Н. Гумилев, Н. Я. Данилевский, И. Л. Солоневич, Дж. Тойнби, Ф. Фукуяма, О. Шпенглер и др.) убедительно доказали, что так называемых «общечеловеческих ценностей» никогда не было, и в принципе быть не может. Соответственно, способ и уровень толерантного отношения каждого народа к своим соседям во многом зависит от той специфической, присущей только одному ему аксиологической системы, сущность которой в наибольшей степени проявляется в процессе государственного строительства.

Любой народ, даже самый маленький, верит в свое всемирно-историческое предназначение, если это действительно народ. Это и является одним из главных факторов, способствующим объединению людей в целостный социальный организм. Однако реальный вклад народов в мировую историю различен. Таким образом, у тех народов, которые сумели построить империю (а, по мнению многих исследователей, именно империи и являются основным субъектом всемирно-исторического процесса) существует искушение рассматривать другие народы, входящие в их государство, лишь в качестве «этнографического материала» для имперского строительства, то есть с чисто прагматической точки зрения. В настоящее время данный геополитический подход в наибольшей степени характерен для Соединенных Штатов Америки. Соответственно, сегодня в мире мы часто наблюдаем не просто всяческое отсутствие толерантности в пропагандируемом исключительно положительном смысле, но и агрессивную нетерпимость по отношению к политике «неудобных» государств, использование так называемых «двойных стандартов».

Таким образом, существует объективная необходимость формирования у студенческой молодежи понимания того, что по отношению к подобной политике, особенно если она направлена против нашего государства, должны быть четкие и ясные границы толерантного поведения. Безусловно, в сфере внешней политики таким тенденциям должна противостоять государственная власть, но в нравственно-мировозренческом смысле ограничение толерантности в данном случае является долгом каждого гражданина, который должен помнить, что по отношению к нам, к нашей традиционной системе ценностей, никакой терпимости ни от кого из западных советчиков ждать не приходится.

Особую значимость данное утверждение имеет по отношению к молодежи. И если старшему поколению не удастся воспитать ее в патриотическом духе, то под лозунгом «толерантного отношения к другим культурам и идеологиям» будет осмеиваться все наше родное, а образовавшуюся культурную лакуну в условиях глобализации займет не просто чужое, а именно чужеродное и, что еще более опасно, в эстетическом смысле низкопробное. Нивелировка и уравнивание всегда происходит по низшему уровню. Причем необходимо отметить, что наиболее действенно и губительно воздействие чуждых идеалов в детстве. «И именно при нашем попустительстве, – справедливо отмечает В. Ирзабеков, – в сердечки наших детей и подростков, мятущихся в поисках героев для подражания, не без злого умысла втискивают легионы туповатых атлетов с накачанными мышцами и пустыми глазами, жутких монстров и нагловатых, агрессивных черепашек, бесцеремонно распахивая при этом благородных сказочных персонажей» [3, с. 103].

По отношению к студенческой молодежи цели остаются прежними, но способы их достижения, естественно, меняются. «Что ж, надо признаться, – продолжает российский автор, – усилия многих поколений западников дали-таки свои ядовиты всходы. Многие наши

молодые люди нет-нет да и вздохнут ныне украдкой, умильно глядя в дальнюю заокеанскую сторону. Не от того ли, что тамошние жители круглосуточно сияют «фирменными» улыбками, источая флюиды благоденствия и уверенности в завтрашнем дне? А зря! Все же не стоит потаенно вздыхать, наблюдая сцены демонстративной любви, щедро напомаженные жизнерадостным бриолином. Неизменно испытываешь за них чувство некоей неловкости, не покидает ощущение показушности: словно кто-то по-театральному пылко изъясняется в нежных чувствах любимой в переполненном общественном транспорте. Возникают навязчивые ассоциации с дежурным общенациональным оскалом, именуемым почему-то улыбкой; по меткому же выражению профессора А. И. Осипова – гримасой улыбки» [3, с. 103].

Обращаясь к истории, можно вспомнить, что и в СССР исподволь оказывалось подобное давление на мышление молодежи. Однако при достаточно серьезной информационно-идеологической блокаде, а также при наличии единственной разрешенной идеологией оно не была столь разрушительно эффективным, как в настоящее время. Да и сам термин «толерантность» в СССР был практически неизвестен большинству людей.

Формирование социально-онтологических пределов толерантности в процессе преподавания в высшей школе должно основываться также и на адекватном учете психологических особенностей нашего народа. Дело в том, что толерантность в современном мире навязывается не просто как терпимость к *другому*, а как понимание *другого* в качестве онтологического инварианта самого себя. Сущностная опасность такой трактовки обусловлена тем, что у белорусов исключительно развито восприятие своей социальной деятельности в качестве служения родине. Причем данное служение воспринималось не только в житейско-онтологической, но и в религиозно-мистической форме, недаром такое распространение получила поговорка: «Жить – Богу служить». Вот почему большинство наших людей намного терпимее относилось к враждебно-чуждому, направленному на них лично, чем к враждебно-чуждому, угрожающему всему народу в целом. Терпимость к личному врагу, таким образом, не мешала ненависти к врагам отечества.

Хотя степень религиозности в современном обществе ниже, чем, например, веке в XIX, но чувство неразрывной связи личной судьбы с судьбой отечества, несомненно, присутствует как традиционная ценность и у современной молодежи. Следовательно, в процессе преподавания студентам необходимо всячески подчеркивать, что установление границ толерантности (даже если при этом необходимо вводить некоторые ограничения на индивидуальные свободы) является по большому счету способом защиты нашей родины, способом сохранения социального и культурного своеобразия.

В заключение хотелось бы обратиться к вопросу о толерантности между русским и белорусским народами. Автор полностью поддерживает ту точку зрения, которую неоднократно озвучивал в своих выступлениях Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, согласно которой белорусы и русские представляют собой единый народ. Таким образом, никакой проблемы реально не существует, она носит искусственный характер. Вот почему в наших странах необходимо говорить (в том числе и на государственном уровне) не о толерантности или терпимости между двумя братскими народами, а именно о едином народе и единой культуре. Тем более, что и онтологические и аксиологические, и культурные концептуальные пределы этого социального феномена будут у наших народов едиными, в силу общности традиций и исторических судеб.

Список литературы

1. Шипилов, А. В. Понятие и реальность толерантности. // II Всероссийская научно-практическая конференция «Толерантность в России: вопросы истории и ответы современности», 20 ноября 2008 г. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2009. – С. 20-21.
2. Люис, К. С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. – М.: Республика, 1992. – 432 с.

УДК 908(476)

КРАЯЗНАЎСТВА ЯК АДЗІН З НЕАБХОДНЫХ ЭЛЕМЕНТАЎ ПАСПЯХОВАЙ ВЫХАВАЎЧАЙ РАБОТЫ Ў ВЫШЭЙШАЙ ШКОЛЕ

*Хаданёнак В.М.,
Віцебск, УА “ВДТУ”*

Краязнаўства — гэта комплекснае навукова-даследчае і папулярызатарскае вывучэнне пэўнай тэрыторыі і назапашванне ведаў пра яе. Аналіз выхаваўчай працы ва ўніверсітэтах на працягу апошніх гадоў у нашай краіне дае падставы разглядаць краязнаўства пераважна ў гістарычным аспекце. Зразумела, што для гэтага створана грунтоўная база і падмурак папярэднімі даследчыкамі і навукоўцамі. Асабліва плённа на ніве гістарычнага краязнаўства шчыравалі М.В. Без-Карніловіч, Г.А. Каханоўскі, М.І. Каспяровіч, А.П. Сапуноў. У наш час іх справу працягваюць М.В. Півавар, В.А. Ермалёнак, І.М. Пракаповіч і інш. На жаль у значна меншай меры чым гістарычны, сёння распрацоўваюцца такія накірункі краязнаўства, як геаграфічны, біялагічны, літаратурны, этнаграфічны. Вядома ж, што гэтыя лакуны рана ці позна будуць запоўнены, бо менавіта комплекснае краязнаўства дае куды больш шырокія перспектывы для яго паспяховага выкарыстання ў выхаваўчым працэсе вышэйшых навучальных устаноў.

Краязнаўства садзейнічае і спрыяе фарміраванню пачуцця любові не толькі да сваёй малой радзімы, але і Беларусі ўвогуле, што надзвычай актуальна сёння ў святле пашырэння пэўнага нацыянальнага нігілізму і бяспамяцтва. Краязнаўчая праца ў розных сваіх формах з’яўляецца тым мастом, які лучыць і яднае працэс навучання і выхавання з жыццём.

З традыцыйных форм краязнаўства, якімі актыўна карыстаюцца на сённяшні дзень выкладчыкі вышэйшых навучальных устаноў можна вылучыць наступныя:

- арганізацыя і правядзенне для педагагічных работнікаў і навучэнцаў турыстычных злётаў, канферэнцый, конкурсаў, семінараў, курсаў і інш.;
- выяўленне, вывучэнне, сістэматызацыя, абагульненне і прапаганда перадавога вопыту краязнаўчай, грамадзянска-патрыятычнай і экскурсійнай работы з моладдзю;
- кантроль, папулярызацыя і метадычнае забеспячэнне дзейнасці музеяў устаноў адукацыі;
- кантроль і метадычнае забеспячэнне правядзення рэспубліканскіх акцый: Тыдзень турызму і краязнаўства для дзяцей і моладзі, “Жыву ў Беларусі і тым ганаруся!” і інш.;

Нам падаецца, што ўмовы сённяшняга часу змушаюць нас да пошукаў новых, нетрадыцыйных і альтэрнатыўных форм краязнаўства, каб мацней захавоціць студэнцкую моладзь да вывучэння і папулярызацыі мінулага і сучаснасці свайго краю. Перш за ўсё гэта можа выражацца ў больш актыўным выкарыстанні найноўшых мультымедычных тэхналогій, шматслайных сучасных картаграфічных носьбітаў, магчымасцяў трохмернага мадулявання і дынамічнай анімацыі, GPS навігацыі, як у працэсе выхавання, так і пры правядзенні краязнаўчых мерапрыемстваў (экскурсіі, семінары, падрыхтоўка рознага кшталту выстаў і інш.). Важна адсочваць становішчыя новаўвядзенні, якімі актыўна карыстаецца Сусветная турыстычная арганізацыя (World Tourism Organization - WTO) і рознага кшталту рэгіянальныя і нацыянальныя арганізацыі.

Вельмі важна каб выхаваўчы працэс на аснове краязнаўства ва ўніверсітэтах трымаўся не толькі на “голым энтузіазме” выкладчыкаў, але і знаходзіў падтрымку і разуменне на ўзроўні органаў мясцовай выканаўчай улады. Да прыкладу: куды больш істотны вынік дае менавіта наведванне і “паглыбленне” ў краязнаўчую цікавостку, чымсяці сухі расповяд пра яе на лекцыі ці семінарскім занятку. А гэта вымагае выдаткоўвання пэўных грашовых сродкаў,